

Иллюстрации: ОВД-Инфо

01.10.2018, 11:29 **Вся Россия**

СТАТЬИ

Как пережить домашний арест: истории политзаключенных

С июля этого года день под домашним арестом **засчитывается** за полдня в заключении.

По сравнению с помещением в СИЗО **домашний арест** воспринимается как более мягкая мера, но и у него есть свои серьезные минусы. Журналист ОВД-Инфо побеседовала с людьми, которым запретили покидать собственный дом, и выяснила, чем они занимаются и по чему скучают больше всего.

«МЫ ДОЛЖНЫ ВАМ РАССКАЗЫВАТЬ ПРО ТО, ЧТО УБЕГАТЬ НЕХОРОШО»

*Весной 2017 года математика Дмитрия Богатова **обвинили** в призывах к терроризму и массовым*

беспорядкам: IP-адрес Богатова совпал с адресом компьютера человека, который оставлял «экстремистские» комментарии. Богатов поддерживал выходной узел сети Tor, то есть IP-адресом могли воспользоваться любые пользователи — именно так и произошло. Из-за ошибки следствия математик провел несколько месяцев в СИЗО и более полугода — под домашним арестом.

В мае по этому делу арестовали жителя Ставрополя Владислава Кулешова.

Конечно, стало легче, когда из СИЗО перевели под домашний арест, появилась возможность общаться с людьми, помимо жены, с которой я жил и живу. Ко мне могли приходить, не было ограничения в общении.

Мне была назначена прогулка с 8 до 10 утра каждый день. Обычно в это время я гулял в парке, иногда ходил в магазин, хотя тоже дело нервное, постоянно смотришь на часы. Плюс еще в суд выезжал раз в месяц/два, еще бывали следственные действия, ознакомления с назначением экспертизы, допросы.

Я ходил с браслетом по дому, рядом стоял специальный ФСИНовский телефон, который отслеживал, что человек с браслетом находится в квартире. Браслет, по большому счету, не доставляет неудобств, к нему привыкаешь, с ним моешься, он становится аксессуаром, как часы. Правда, телефон, который отслеживает браслет, работает не идеально, иногда связь пропадает. Тогда инспектор звонит и задает вопрос: «А вы здесь?» — ну, естественно, я здесь, коль взял трубку, говорю я про себя. Связь может пропасть в любое время, поэтому позвонить он может и в полшестого утра, а это неприятно.

Два раза в неделю, иногда реже, инспектор приходит навестить физически, взять бумажку, что со мной проведена разъяснительная беседа, которой, на самом

деле, ни разу не было. Один раз я не выдержал и спросил: «А что в этой беседе должно на самом деле быть?», — инспектор мне ответил: «Мы должны вам рассказывать про то, что убегать — нехорошо». Спасибо, подумал я, вот откровение.

Я не понимаю, как все эти нелогичные официальные планы строятся. Масштаб бедствия заключался в том, что у моего инспектора было 50 человек под присмотром. Давай посчитаем: умножаем это, соответственно, на два, потом умножаем на время, которое он должен провести со мной, в общем, в 40 часов не укладывается — от слова совсем. И в 80 тоже с трудом. Так что тут не до бесед.

Общение с внешним миром было весьма удручающим, потому что оно выглядело примерно так: «Тань, найди мне в интернете» (речь идет о жене Дмитрия Богатова Татьяне Федоровой — *ОВД-Инфо*). Понимаете, мы же уже настолько привыкли к интернету, все так банально: если ты чего-то не знаешь, то открываешь интернет, а там уже все выясняешь. А под домашним арестом сидишь себе, интернета нет, телефона нет, позвонить нельзя, перестучаться с соседом невозможно, и вот сидишь часами и ждешь, пока появится кто-нибудь, у кого интернет есть. (Технически никто не отключает интернет в квартире арестанта, но на него возлагают обязанность им не пользоваться. Если случайно обнаружится, что он нарушил условия домашнего ареста, где-то залогинился под своим аккаунтом, меру пресечения могут изменить — *ОВД-Инфо*).

Но у меня были книги, я все это время читал, разное: и художественные, и технические произведения. Еще мне можно было пользоваться компьютером, но без интернета. А ведь есть некоторое количество технологий, которое можно освоить без интернета, — например, я учился верстать.

Иногда посещало чувство беспомощности — например от того, что не можешь сходить в магазин и что-нибудь купить. Нельзя было просто позвонить и попросить, нужно было дожидаться, пока кто-нибудь к тебе зайдет: жена будет вечером, мама, может быть, зайдет днем.

Когда меня выпустили из-под домашнего ареста, я не успел ощутить освобождения, потому что эмоции переполнили меня в связи тем, что произошло дальше. Эксперты долгое время делали экспертизу. Согласно утверждению следствия, под домашним арестом я сидел, чтобы не давить на экспертов. Экспертиза закончилось, на моих компьютерах не было обнаружено ничего крамольного, и после домашнего ареста мне выдают подписку о невыезде. В тот момент в голове вертелась фраза: «Какого черта?» Сейчас я уже в статусе свидетеля по делу, а свидетелю нельзя выдать подписку о невыезде. Так что обошлось.

«МИНУТКА ОТТЕПЕЛИ В СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ»

Дмитрия Бученкова обвинили в участии в массовых беспорядках и нападении на полицейских во время «Марша миллионов» 6 мая 2012 года. Бученков настаивает на том, что в тот день он был у своих родных в Нижнем Новгороде — это подтвердил и его отец, вместе с которым они 6 мая копали огород на даче. В тот день на митинге был человек в черном капюшоне, отдаленно похожий на Дмитрия. Однако независимая экспертиза показала, что это не Бученков, а другой человек.

*Бученков провел в СИЗО 15 месяцев, после чего его перевели под домашний арест. В ноябре 2017 года Дмитрий покинул Россию и **переехал** в Литву. Сделать это удалось, потому что у наро-фоминского подразделения ФСИН не хватило браслета для арестанта.*

Если содержание под стражей сравнивать с домашним арестом — это как из зимы в лето приехать. То есть, конечно же, условия чисто психологические и бытовые значительно лучше, поэтому многие арестанты стремятся из СИЗО попасть под домашний арест, но в большинстве случаев не получается.

Мой случай — скорее исключение из правил. В течение 15 месяцев раз 10 адвокаты выступали с ходатайством о том, чтобы меня перевели под домашний арест или подписку о невыезде. Но не получалось, а то, что получилось один раз в Московском городском суде, — это скорее случайность, которая была связана, как мы с адвокатами решили, с минуткой оттепели в российской следственно-судебной системе. До этого Ильдара Дадина освободил Верховный суд, вот мы и предположили, что я просто попал в минуту свободы. Это был вопрос случая, крупно повезло.

В Уголовно-процессуальном кодексе недостаточно подробно расписано, как должен проходить домашний арест. Решение о том, каким он будет, зависит от судьи и от того, как поработают адвокаты. Мне запрещалось с кем-либо общаться, в том числе и со своими близкими. Разрешалось с адвокатом, работниками суда, работниками ФСИН, представителями следствия, также разрешалась прогулка один час в неделю. Час в неделю я старался: полчаса закупить продукты на неделю вперед, чтобы было, чем питаться, если время оставалось, старался погулять. С близкими виделся только на судебных заседаниях.

Я не мог видеться с близкими, потому что они проходили как свидетели, несмотря на то, что они не дали показаний и в принципе дать не могли. Например, со своей женой я еще не был знаком в 2012 году, но ее все равно приплели как свидетеля.

В любом случае, конечно, домашний арест лучше, чем содержание под стражей, но в тюремной камере хотя бы есть, с кем пообщаться. А под домашним арестом кроме адвоката-то и поговорить было не с кем. У меня так получилось, что в квартире никто, кроме меня, не был прописан, поэтому я и жил один.

Еще арестант не может работать, пока сидит под арестом, и совершенно непонятно, а на что еду покупать? Судьи даже не вникают в этот вопрос: чем питаться человеку. Меня поддерживали: через родственников, товарищей адвокаты передавали деньги. У судей, наверное, такая логика: «Ах, тебе питаться нечем, а давай мы тебя в СИЗО отправим, вот там у тебя будет питание». Логика бюрократическо-издевательская.

Браслета на мне не было, контроль происходил таким образом: работница ФСИН, к которой я был прикреплен, могла в любое время войти и проверить меня. Тем более, она жила не очень далеко, и часто бывало так, что она приезжала, звонила в домофон, интересовалась, на месте я или нет, не предупреждая о своем визите. Несколько раз в неделю так происходило. Приходила она в разное время суток за исключением ночи. Есть какая-то внутренняя инструкция ФСИН, согласно которой нельзя проверять арестантов, в том числе тех, кто под домашним арестом, с 22.00 до 6.00, если нет каких-то чрезвычайных обстоятельств.

В свободное от заседаний время я пытался поддерживать свою физическую форму, что-нибудь приготовить, как можно дольше готовить, чтобы коротать время. Телевидение было у меня, но, честно говоря, телевизор мне в тюрьме надоел, он там работал в камере круглые сутки, я старался дома его не включать, особенно Первый канал. Я читал, просил адвокатов приносить книги по политологии, по истории. Еще писал свою собственную

книгу «Фальсификация уголовных дел в современной России на примере Болотного дела». Она вышла около месяца назад в электронном виде в издательстве «Самоопределение», а в ближайшее время в печатном виде ее выпустит питерская типография «LixoyStar».

Писал книгу, чтобы чем-то себя занять. Мне следствие разрешило пользоваться компьютером без доступа в интернет, потому что надо ознакомиться с материалами уголовного дела, которые были в электронном виде — а в уголовном деле более 100 часов видео. Просматривал видеозаписи с событий Болотной площади. Большую часть так и не просмотрел. Мне же нужно было не просто смотреть, а изучать эпизоды с чувством, с толком, с расстановкой.

А вообще по свежему воздуху очень скучал, хотелось выехать в лес, куда-нибудь из Москвы, в регион России, и там подышать.

«КАЗАЛОСЬ СТРАННЫМ, ЧТО ОНИ СВОБОДНЫ»

*Блогер Руслан Соколовский из Екатеринбурга в 2016 году снял видео о том, как он «ловит покемонов» в храме. На Соколовского завели **уголовное дело** об оскорблении чувств верующих и возбуждении религиозной ненависти. В общей сложности блогер провел в СИЗО около полугода, а под домашним арестом — два месяца. Соколовского признали виновным и приговорили к условному сроку.*

Под домашним арестом было однозначно легче, чем в камере. Температурный режим более комфортный: в СИЗО можно легко и быстро заболеть, можно оголодать, потому что еда там — ужасная, можно попасть в передрагу, на тебя могут напасть твои сокамерники, которых ты не знаешь. Домашний же арест — мероприятие более безопасное и спокойное.

Проходил он у меня очень однообразно. Очень сильно сбился режим дня: ложился после обеда спать, потому что ночью никак не получалось. Я просыпался довольно поздно, регулярно смотрел передачи, читал рассказы, повести, в основном, фантастику и науч-поп. Старался не забывать про физическую форму: отжимался, приседал, иначе совсем бы заржавел. Иногда играл в GTA, Assassin's Creed, прям садился за компьютер и занимался этим несколько часов. Еще смотрел сериалы, пересмотрел «Во все тяжкие», на это уходило еще два часа. Писал синопсисы к книгам — правда, книги так и не дописал, хотя синопсисы довольно расширенные.

После трех или четырех месяцев меня накрыла апатия, потому что каждый день находишься в стрессе, подсознательно ждешь, что тебя посадят или что-то подобное случится. Я часто лежал по несколько часов и смотрел в потолок, ничего не мог делать, сил не было. Когда появилась апатия — упала продуктивность, я перестал читать, смотреть, писать.

Появились проблемы с социализацией, после ареста первое время было сложно общаться с людьми и поддерживать с ними контакт, мне ведь было запрещено общение со всеми, кроме адвокатов. У нас в России есть такой закон, что на этапе судебного следствия ты не можешь видеться со свидетелями (такое решение может принять суд по ходатайству следователя — *ОВД-Инфо*). Они умудрились позвать в свидетели всех моих друзей, родственников. Они даже мою маму позвали и допросили. Я так и не понял, что плохого бы произошло, если бы я увиделся с матерью, но нет же, это было запрещено.

Прогулки тоже были запрещены. Помню, как стоял у окна, смотрел на улицу, там шли люди, у меня в голове пролетела мысль: «Вау, они идут по улице, им разрешено,

они это просто так делают — идут!» — мне казалось странным, что они свободны, что они просто идут по улице, в голове не укладывалось, казалось чем-то таким несбыточным. Я вообще больше всего скучал по прогулкам, по улицам.

Первое время сотрудники ФСИН чуть ли не каждый день приходили с проверкой, осматривали состояние браслета, не повреждена ли пломба на агрегате. Интересовались, на месте ли я, все ли хорошо, а потом просто перестали ходить, не пришли ни разу.

В какой-то момент у меня могли закончиться деньги, но мне помогли правозащитные организации, Михаил Ходорковский отправил мне деньги через «Открытую Россию». Ведь когда сидишь под арестом, то все деньги уходят на оплату работы адвокатов. А я же нигде не работал, ведь интернетом пользоваться нельзя, с внешним миром контактировать тоже. Все запрещено, но деньги-то нужны.

Хорошо, что все это закончилось. Когда я вышел на свободу, поймал себя на ощущении, что я очень неуклюжий, казалось, что даже координация нарушена, чувствовал себя неадекватно поначалу. Первое, что я сделал, когда освободился, — это помыл левую ногу, браслет-то мочить запрещено. Поверьте, помыть ее было большим удовольствием.

«ГОД ЭКСТРЕМИЗМА»

Анна Павликова и Мария Дубовик общались в телеграм-чате со своими знакомыми на разные интересующие их темы. Состав участников чата не был постоянным. В какой-то момент в переписке появился Руслан Д. — он начал сводить все темы к политическим и призывал активнее участвовать в политической жизни страны. Молодой человек попал в зону доверия. Под его

руководством был написан «устав организации», которую сам Руслан и предложил организовать.

*В марте 2018 года десятирых участников «группы» задержали и **обвинили** в организации экстремистского сообщества. Сам Руслан Д. задержан не был.*

16 августа 2018 двух фигуранток дела, 18-летнюю Анну Павликову и 19-летнюю Марию Дубовик, перевели из СИЗО под домашний арест. ОВД-Инфо побеседовал с матерями девушек: Юлией Павликовой и Натальей Дубовик.

Юлия Павликова

Когда я приходила к Ане на свидания, то говорила: «Аня, ты выпила таблетку? Аня, почему ты не сказала, что тебе плохо?». На что она отвечала: «Послушай, мам, я не дома, я закрыта в камере, если мне нужна таблетка, то нужно попросить об этом врача, а до врача достучаться — нереально, даже если сильно плохо». Обычно происходило так, к ней утром приходили и говорили: «Ты же жива, чего ты выступаешь, что тебе плохо?»

Конечно, домашний арест — лучше. Даже в чисто бытовом плане, вот она сейчас захотела, пошла в ванную и провела там времени столько, сколько ей нужно. Как раз первое ее желание было таким: «Мам, я хочу сесть в ванную и сидеть два часа, чтобы смыть с себя всю эту грязь». Хотя, конечно, она там ходила в душ, но сами понимаете, что это все не то. Теперь она может вставать по утрам, когда выспится, а не когда будят и узнают, сколько в камере человек, выстраивают вдоль правой стороны от двери, руки заставляют убрать за голову.

Но это неизменно домашний арест: она не может ни с кем переписываться, не может сидеть в интернете. Но все равно — она дома, со своими родными людьми, со своими птицами, животными, книгами. Суд постановил, что Аня

может общаться с родственниками. А мы все вместе живем: папа, мама, старшая сестра с мужем и дочкой.

Как только Аня приехала, мы тут же бросили все вещи в стирку, хотели смыть тюремный запах. Сейчас Аня в основном постоянно читает. У нас не было возможности передавать ей книги в камеру — все, что мы отправляли по почте, нам отсылали обратно. Ее единственным развлечением в СИЗО было писать ответы на письма, больше развлечений не было.

Она нянчится с Оливией (племянница Анны — *ОВД-Инфо*), старается быть для нее хорошей тетей.

С удовольствием готовит что-то вкусное, недавно делала лазанью, стол нам накрыла. Она постоянно какими-то домашними делами занимается, хочет быть полезной. Мы ей говорим: «Анечка, да мы сами все сделаем». А она — нет, помогает по дому много.

С животными со своими возится. Она же работала в ветеринарной клинике, сейчас как раз должна была поступать, но, к сожалению, все наши мечты были разрушены. Говорят, что с такой статьей вообще никуда учиться не возьмут. Мне вообще кажется, что этот год надо было назвать «год экстремизма».

Из-за нахождения в СИЗО Аня совершенно потеряла здоровье. А находясь под домашним арестом, не так просто сходить к врачу. Я еду в поликлинику, беру талон, ставлю на него печать у главного врача, потому что в регистратуре сейчас этого не делают, потом нужно отдать этот талончик следователю, следователь выписывает разрешение, разрешение нужно отвезти во ФСИН. В общем, полдня, а иногда и весь рабочий день, уходит на это. А врачи, естественно, назначают анализы, и направление на анализы тоже нужно подтверждать.

После СИЗО мы прошли обследование, и нам сказали, что все ухудшилось, теперь у нее пролапс митрального клапана второй степени. В ходе обследования нужно было сделать рентген, а у нее браслет на ноге, врачи с браслетом делать не разрешили.

Аня скоро ляжет в больницу, я уведомила об этом ФСИН. Не знаю, будут ли они переносить этот их огромный телефон к ней в больницу. Он такой огромный, что перенести его явно будет трудно. Прямо аппарат XX века, к нему присоединена огромная трубка на шнурке, три кнопочки постоянно мигают. Нам запретили до него даже дотрагиваться. Но с нами в одном доме живет маленький ребенок, ей 11 месяцев, она постоянно исследует, все двигает. Высоко его не поставишь, нам просто некуда его убрать. Когда Оливия играет в коридоре, мы постоянно караулим, только бы она телефон не трогала.

Наталья Дубовик

Маша из СИЗО письма писала: «Мама, не ценила я твою домашнюю еду». Когда домой приехала, сказала: «После еды в СИЗО все вообще кажется вкусным». Сейчас у нее нервная система, по крайней мере, не так напряжена. Она была три месяца в камере, где было пятьдесят человек, а площадь камеры — семьдесят метров. Маша рассказывала, что не спала ни одной ночи, страшно было заснуть, существовала в каком-то полубытьи, голова постоянно болела. Она первое время практически не ела и очень неохотно разговаривала с людьми, просто потому, что оказалась в сложных для себя обстоятельствах. Она говорила, что единственная ее отдушина в СИЗО — это наши письма.

Спустя какое-то время ее перевели в четырехместную камеру, там она уже могла спать, но выспаться так и не смогла, потому что кровать была короче и уже, рассчитана на подростков, а Маша высокая, у нее рост

175. Она много раз писала в своих письмах, что ей в этой маленькой камере гораздо лучше, хорошая атмосфера, и люди не курящие. Моя дочка не любит запах сигарет, а там большая часть женщин курит. Ей было тяжело.

Когда Мария приехала домой, в первую очередь она пошла в свою комнату, легла на кровать, обняла подушки, после четыре раза сходила в душ и ванную, не могла накупаться, ей просто хотелось побыть под водой. У нее не было возможности в СИЗО нормально принимать душ. Потом пошла на газон (семья Дубовик живет в загородном доме — *ОВД-Инфо*), расстелила коврик, улеглась. В тот день была ясная, теплая, безветренная погода. Я смотрела на дочку в окно, она так радовалась небу, лежала, смотрела на него и улыбалась, погрузившись в свои мысли. После она сходила в сарай, достала из него кроликов, у нас их два. Посадила на газон и смотрела на то, как они бегают по нему.

Только в этот момент она начала приходить в себя. Но потом приехали сотрудники и надели браслет, поставили специальный телефон, объяснили нам, что он настроен на контуры дома, а если человек выйдет за пределы, то сразу будет видно. И нам запретили покидать дом. Маша, конечно, расстроилась. Она думала, что у нее будет возможность еще погулять с кроликами и с дворовым котом, да и просто побыть на свежем воздухе... Но она не выходила из дома без надобности, боялась. Она сейчас вообще много чего стала бояться.

Первые дни, когда она приехала, просто высыпалась. После всего пережитого она часто что-то забывает, раньше я этого не замечала в ее поведении. Она ложится рано, встает поздно, она в сне будто растворяется. Постоянно говорит мне: «Мне нужно спать, отдыхать, восстанавливаться, мам».

Сейчас утро начинается с того, что мне соседка передает козье молоко, Маша натощак пьет стакан, очень ей нравится. А если человек делает что-то с удовольствием, значит, это на пользу. Читает книги, повторяет что-то по учебе, спортом занимается по мере возможностей: гимнастика, растяжка, прыжки на скакалке, упражнения с обручем. Приходит в форму, потому что у нее на фоне стресса произошел гормональный сбой — она поправилась на 10,5 килограммов. Мне кажется, это все из-за нервного срыва, это же влияет на здоровье и состояние тела.

Общается она только с семьей: со мной, с папой и с братом. Если кто-нибудь из друзей или знакомых хочет узнать, как у нее дела — спрашивает у меня. Если мне нужно у нее что-то уточнить, то я уточняю, а только потом отправляю сообщение.

Самая большая потеря сейчас — это отсутствие учебы, она хотела, да и сейчас хочет развиваться в ветеринарии. Она сказала мне, что хочет быть животным хирургом. Было бы идеально перевестись на подписку о невыезде и продолжать учебу. У нее много планов: закончить дополнительные курсы, которые требует программа ее вуза. Ей нужно пройти курсы по стрижке животных, брать дополнительные уроки специализированного медицинского английского. А также брать уроки по стоматологии, делать слепки зубов и многое другое, и ходить на курсы по хирургии. В домашних условиях все это сделать просто невозможно.

Обидно время терять. Она сидит и говорит мне недавно: «Мам, деградация какая-то. Да, я что-то читаю, но мне хочется жить полноценной жизнью, а я не могу». Интернетом ей пользоваться нельзя. Конечно, я могу по ее просьбе что-то скачать, распечатать, принести, но это все равно не то. У нее есть телефон, старая мыльница, но только для связи со мной. Например, если

я куда-то уезжаю, а бывает нужно ее предупредить, я звоню и говорю: «Маш, иди открывай калитку, проверка приехала». Они приезжают два раза в неделю минимум, а бывает и три, и четыре раза, всегда по-разному. Мы с сотрудниками в контакте, они разрешили нам в суд самим приезжать, например.

Но домашний арест — это легче. Не сравнится это с тем, какие у нас были нервы, переживания, мытарства, когда она была в этом кошмаре. Как говорят: дома и стены лечат.

Дело «Нового величия»

В движение «Новое величие» внедрились сотрудники спецслужб. Участников обвинили в создании экстремистского сообщества.

23 139

Дело Руслана Соколовского (Покемоны в храме)

5 35

Болотное дело

109 446

Дело о призывах на Красную площадь

3 21